

Инесса Яжборовская
Москва

Катынский синдром — ключевая проблема двусторонних отношений?

В отличие от нарративного метода исследования, сосредоточенного главным образом на описании событий, в центре доклада — катынский дискурс (то есть комплекс подходов и представлений) — история его появления, содержание, динамика, превращавшие в синдром, отягачивший отношения СССР (России) и Польши.

Зарождение «советской официальной версии». В разгар второй мировой войны катынский дискурс в Советском Союзе только формировался, включив узкий круг зачинщиков и исполнителей катынского преступления. Он появлялся временами как объект мифотворчества сталинского руководства и его же усилиями на десятилетия исчезал. Период с момента обнаружения весной 1943 г. захоронений в Катыни и первых сведений о них, краткого их появления на Нюрнбергском процессе и до начала 50-х гг. (работы Комиссии Конгресса США под руководством Р. Дж. Мэддена) был временем отстаивания «советской официальной версии» — приписывания вины гитлеровцам. В советско-польских отношениях вначале ему не оставалось места — он был как бы из них вычеркнут вместе с разрывом этих отношений в 1943 г. Затем в СССР в рамках контрпропаганды тиражировалось фальсифицированное результаты частичной советской эксгумации «Сообщение Специальной комиссии по расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»¹. «Официальная версия» была закреплена в 1953 г. в официозной Большой Советской энциклопедии как идеологическая «сверхзадача» — так называемая «авто-

¹ Сообщение Специальной комиссии по расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. — «Правда», 26. 01. 1944.

ритетная» информация — истина в последней инстанции со строжайшим запретом любых сомнений и поисков правды. В таком узком идеологическом контексте и сформировался первый, официальный идейно-политический катынский дискурс. Но не на долго. Вскоре в СССР эта тема была полностью закрыта, вычеркнута из энциклопедий и словарей. Строгая ее засекреченность была распространена и на ЦК КПСС, и на органы безопасности. Георгий Жуков, (не маршал, а его однофамилец, генерал КГБ, во время войны уполномоченный по созданию иностранных формирований в СССР, личный представитель Сталина по польским делам) уже в годы перестройки в доверительной беседе с высоким партийным чиновником сообщил: «... Равно в НКВД, как и в КГБ было строго запрещено вести какие-либо разговоры о Катыни, даже как о немецком преступлении». Он утверждал, что «никаких документов по Катынскому делу нет, и нет никакого смысла их искать»².

Только после XX съезда КПСС, в 1956 г., в некоторые властные инстанции стали поступать сведения о том, что в Польше на массовых митингах и собраниях, в листовках и публикациях выплескивается накопившаяся напряженность бывших конфликтных ситуаций. В их числе с неизбежностью возникала тема катынского преступления³. В историческое сознание общества она практически не проникала. Тем более, что весной 1959 г. Н. Хрущев с завершением «оттепели» отнес катынские материалы НКВД к числу подлежащих уничтожению. Ключевые документы катынского дела были запрятаны в «особые папки» «Пакета № 1», доступные лишь первому лицу так наз. «государства-партии».

Научно обоснованный подход к теме Катыни становился возможным только в период перестройки, когда возникали условия для критического, трезвого переосмысления сложных периодов двусторонних отношений. В России временем формирования современных катынских дискурсов стал рубеж последнего десятилетия XX века. 21 апреля 1987 г., в 42-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Польшей, подписями президентов М. Горбачева и В. Ярузельского была скреплена Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, в которой предусматривалось раскрытие «белых пятен» в советско-польских отношениях. Изначально подходы двух сторон к катынскому вопросу весьма различались. В традициях свойственного любому авторитарному обществу преваляирования идеологом советская сторона ставила на первое место сгла-

² И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков, В.С. Парсаданова, *Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях*, 2 изд., РОССПЭН, Москва 2009, с. 208. Цит. по: P. Kostikow, B. Rolinski, *Widziane z Kremla, Moskwa — Warszawa*, BGW, Warszawa 1992, с. 196-197.

³ См.: *Zbrodnia Katyńska. Bibliografia 1940–2010*, Centralna Biblioteka Wojskowa im. Marszałka Józefa Piłsudskiego, Niezależny Komitet Historyczny Badania Zbrodni Katyńskiej, Polska Fundacja Katyńska, Warszawa 2010.

живание трудных проблем путем пропаганды «дружбы и сотрудничества». По инициативе польской стороны в документе появилось положение: «Не будем оставлять нашим детям и внукам нерешенных проблем»⁴.

Важную роль в реализации этого замысла сыграла созданная в соответствии с декларацией на этой основе Совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами. Перед ней была поставлена задача выявления «болевых точек» в истории советско-польских отношений и совместной выработке научных позиций. Ключевой проблемой сразу стал катынский вопрос. Однако не только к его раскрытию, но и к рассмотрению проблемы советская сторона совершенно не была готова. Существование каких-либо материалов и самого дискурсивного события последовательно отрицалось. С трудом удалось получить засекреченное «Сообщение» комиссии Н. Бурденко, затем как бы подтверждавшую его выводы справку органов безопасности, перекопавших и «обработавших» катынские могилы после освобождения Смоленщины. И не более того. Это вызвало резкий протест ведущего польского историка — специалиста по этой проблеме проф. Ч. Мадайчика, заявившего о выходе из комиссии. Этот протест поддержала вся ее польская часть.

Научно-исторический дискурс. Катынский вопрос оказался не просто неизученным «белым пятном», но наиболее трудным и мифологизированным «черным пятном». А между тем польская сторона настаивала на особой значимости его расследования как принципиально важного и для польского общественного мнения, и для урегулирования двусторонних отношений. Партийно-государственное руководство СССР, тщательно отслеживавшее ход работы комиссии, не давало ей на это полномочий. Советский сопредседатель совместной комиссии Г. Смирнов свидетельствует: «Меня подбивали, чтобы мы в свою очередь поставили вопрос о плохом отношении к советским военнопленным в /19/21 году»⁵. Он исключил создание новой конфликтной ситуации ради «уравновешивания» претензий. Впервые столкнувшись с катынским делом и намереваясь разобраться в нем объективно, Смирнов создал под своим руководством в рамках советской части комиссии узкую подкомиссию из трех человек — В. Парсадановой, Е. Скрипилева и И. Яжборовской. Пользуясь своим авторитетом недавнего помощника М. Горбачева, он пригласил руководителей архивов и настоятельно рекомендовал приоткрыть доступ к катынским материалам. Это дало начало продвижения по пути поисков архивных документов по катынскому преступлению и складывания научно-исторического катынского

⁴ Декларация о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры, Политиздат, Москва 1987, с. 10.

⁵ Г.А. Смирнов, *Уроки минувшего*, РОССПЭН, Москва 1997, с. 222

дискурса. Приоткрытым доступом вслед за Парсадановой воспользовался Ю. Зоря, а затем Н. Лебедева.

По инициативе российской части комиссии научно-исторический дискурс расширялся путем привлечения широкой научной общественности к участию в организованном в январе 1989 г. Всесоюзном совещании историков-полонистов «Актуальные задачи изучения Польши, русско-польских и советско-польских отношений». В секцию по «белым пятнам» в двусторонним отношениям под руководством Яжборовской было впервые вынесено рассмотрение катынского вопроса. Это вызвало растерянность и не обошлось без попытки вернуть проблему в русло «официального» дискурса.

Становление политического дискурса. «Лед тронулся» и началось трудное оформление катынского дискурса на верхнем ярусе партийно-государственного руководства. Регулярно получавший информацию как о работе комиссии, так и о настроениях в Польше заведующий международным отделом В. Фалин подготовил и передал на рассмотрение ЦК КПСС записку от 6 марта 1989 г. с грифом «секретно». В ней сообщалось, что проблема приобрела особую остроту, ибо подавляющая часть поляков уверена, что расстрел военнопленных трех спецлагерей НКВД — «дело рук И. Сталина и Л. Берии, а само преступление совершено весной 1940 г.». Фалин подчеркнул, что польская часть двусторонней комиссии представила доказательства необоснованности аргументации комиссии Бурденко, что ситуация в Польше чревата подрывом доверия к курсу на тесные связи с СССР. А этого допускать никак нельзя⁶. 22 марта очередную «секретную» записку «По катынскому вопросу» направили в ЦК члены высшего руководства Э. Шеварнадзе, В. Фалин и В. Крючков. Они объясняли перемещение в Польше в центр внимания вопроса о Катыни официальной позицией польских властей относительно советской вины в гибели пленных и датировкой их расстрела весной 1940 г. Формируя позитивное отношение М. Горбачева, они лукаво указывали: в польской официальной публикации вина возложена на «сталинское НКВД», а не на советское государство. С затягиванием времени этот вопрос, подчеркивали авторы, превращался в «камень преткновения уже не для прошлых, а для нынешних советско-польских отношений» — пока эта трагедия «не будет до конца освещена, не может быть нормальных отношений между Польшей и СССР»⁷. Так начинал формироваться в микроконтексте (с небольшим количеством участников) партийно-политический дискурс, содержание которого через десять лет Фалин в воспоминаниях сформулировал ла-

⁶ *Katyń. Dokumenty ludobójstwa: Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.*, Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, Warszawa 1992, с. 108, 110, 112.

⁷ *Ibidem*, с. 102, 104, 106.

пидарно: «Где политика и отношения с Советским Союзом, там для поляка — Катень»⁸.

Не прошло и года, как 22 февраля 1990 г. Фалин направил лично Горбачеву еще одну, не менее важную записку «Дополнительные сведения о трагедии в Катени». Она содержала отчет о результатах работы в архивах и установлении наличия приказа НКВД № 00117 от 1939 г.: узники трех спецлагерей «не подлежали освобождению и отправке на родину», были этапированы в распоряжение областных управлений НКВД, в ходе «акции» «убыли» и «в статистических отчетах в дальнейшем не фигурировали». Дела на узников Старобельского лагеря, по информации Фалина, были уничтожены, а узников двух других спецлагерей — направлены в Главное управление по делам военнопленных⁹. А. Шелепин писал в 1959 г. о наличии всех дел.

Официальная передача 13 апреля 1990 г. М. Горбачева В. Ярузельскому рассекреченных перечней узников трех спецлагерей НКВД и ряда других материалов сопровождалась сообщением ТАСС с признанием вины руководства НКВД (Берии и его подручных). Так официальный катынский дискурс был публично оформлен как признание в этом преступлении вины НКВД. Дорога для первых публикаций нескольких ученых — Парсадановой, Зори и Лебедевой — была открыта¹⁰. Военный историк М. Семиряга обнародовал (после рассекречивания) два важных документа катынского дела¹¹. Научно-исторический дискурс стал расширяться.

Появление «катынского синдрома». Тем временем в руководстве КПСС усилилась другая линия: в результате знакомства Горбачева с содержимым хранившегося в архиве VI сектора Особого отдела ЦК КПСС (затем в Президентском архиве) Пакета № 1 — с материалами о характере и масштабах злодеяния, об уровне принятия преступного решения -появились симптомы катынского синдрома — хронической болезненной реакции на эту проблему. Слишком велика была политическая ответственность за ее обнародование. По свидетельству консультанта международного отдела В. Александрова, это испугало Горбачева

⁸ В.М. Фалин, *Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания*, Республика, Москва 1999, с. 406.

⁹ *Katyn. Dokumenty ludobójstwa*, с. 118, 120.

¹⁰ В. Парсаданова, Ю. Зоря, *Катень*, «Новое время», 1990, № 16; В. Парсаданова, *К истории катынского дела*, «Новая и новейшая история», 1990, № 3; Ю.Н. Зоря, А.С. Прокопенк, *Нюрнбергский бумеранг*, «Военно-исторический журнал», 1990, № 7; Ю.Н. Зоря, *Режиссер катынской трагедии*, — *Берия: конец карьеры*, Москва, 1991; Н.С. Лебедева, *Катынская трагедия*, «Московские новости», 1990, № 12; *eadem*, *И еще раз о Катени*, «Московские новости», 1990, № 18; *eadem*, *О трагедии в Катени*, «Международная жизнь», 1990, № 5 и др.

¹¹ *Секретные документы из особых папок: подготовка публикации и вступительная статья Семиряги М.И.*, «Вопросы истории», 1993, № 1.

и настроило его на то, чтобы как-то уйти от ответственности за обнародование трудного катынского дела. В связи с воспроизведением аргументации «Сообщения Комиссии Бурденко» в справке Института всеобщей истории РАН (авторства Лебедевой) у него появилось намерение отложить раскрытие этого дела¹².

Формирование «анти-Катыни». Пообещав полякам раскрыть всю правду о преступлении, М. Горбачев решил максимально оттянуть чреватый политическими осложнениями момент: пока «пусть ученые копаются». Тем временем он предложил обратиться к широкой международной общественности с просьбой собирать всевозможную информацию «для обнаружения правды». Разумеется, польская часть комиссии решительно отвергла такой поворот дела (она считала правду уже установленной).

Приближение к выяснению подноготной бессудного, преступного «катынского дела» породило новый замысел — взять курс на так называемую «анти-Катынь» — замазывание правды и снятие тягостного ощущения вины советской стороны через «встречный иск». Начало этому было положено распоряжением президента СССР М. Горбачева от 3 ноября 1990 г., когда шла работа «по ...выработке проекта нового межгосударственного договора». В обширном перечне поручений советским министерствам и ведомствам восьмой пункт предписывал Прокуратуре СССР ускорить следствие по катынскому делу и представить соответствующее заключение. А одновременно девятый пункт перечислял ряд учреждений, ведомств и организаций, которым поручались поиски «архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб советской стороне»¹³. В виде юрико-политического «противовеса» катынскому делу был использован вопрос о судьбах советских военнопленных войны 1920 г.

В то же время Валентин Фалин поставил вопрос о необходимости обнародовать правду о преступлении, предварительно согласовав форму и время с польским руководством¹⁴. Но первыми правдивое слово о Катыни публично сказали советские журналисты: В. Абаринов на страницах «Литературной газеты», Г. Жаворонков в «Московских новостях», Л. Елин в «Новом времени», Н. Ермолович в «Известиях» и др. Они опирались на сведения, просочившиеся

¹² И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков, В.С. Парсаданова, *op. cit.*, с. 308-309.

¹³ Распоряжение М. Горбачева от 3 ноября 1990 г. см: *Секретные документы из особых папок*, «Вопросы истории», 1993, № 1.

¹⁴ *Katyń. Dokumenty ludobójstwa*, с. 118, 120-122.

из Польши. Первой книжной публикацией стало журналистское расследование «Катынский лабиринт» — плод честного и смелого пера Абарина¹⁵.

Важную роль сыграла встреча 21–23 мая 1992 г. в Москве двух президентов, Б. Ельцина и Л. Валенсы. В совместном заявлении, сопровождавшем подписание двустороннего договора, говорилось о преодолении негативных последствий прошлого, в том числе катынского злодеяния. По рекомендации президентов двух стран было оформлено 27 апреля и 11 июня 1992 г. соглашениями архивных служб издание «Катынь: документы преступления». Принципами издания должны были стать, как принято в таких случаях, два аутентичных языковых варианта с идентичными приемами издания. Специально были оговорены полнота раскрытия темы и соответствие составов документов. На практике российской стороной договоренность не была соблюдена. Увы, в вышедшем в свет в России вместо четырех (как в Польше) в сокращенном виде издания в двух томах не было сохранено ни единого названия, ни компановки, ни нумерации томов¹⁶.

Переход расследования в компетенцию права. Совместная комиссия ученых СССР и ПНР по истории отношений между двумя странами завершила свою работу накануне распада СССР, с прекращением существования ПНР. Эстафету расследования в рамках права подхватила следственная группа Главной военной прокуратуры, где было возбуждено дело № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле–мае 1940 г. Проявился еще один, сугубо политический аспект правового расследования катынского дела. Вопрос о катынском преступлении встал на Конституционном суде в связи с рассмотрением «дела КПСС» — но преимущественно в партийно-политической плоскости. Рассматривалось отнюдь не существо катынского дела, хотя упоминание о нем было поставлено в контекст его преступного характера, что повлекло за собой привлечение материалов особо высокой степени секретности из «особой папки» «пакета № 1. В октябре 1992 г. они были по поручению президента России Б. Ельцина переданы также в Польшу, президенту Л. Валенсе. Там они были обстоятельно прокомментированы и дважды опубликованы в книжном формате.

17 октября 1992 г. Ельцин в интервью Польскому телевидению определил российскую позицию по катынскому вопросу так: «Россия не может взять на себя ответственность за катынское преступление. Сделала это партия, сделал

¹⁵ В. Абарин, *Катынский лабиринт*, Новости, Москва 1991. См. также новое, дополненное издание: W. Abarinow, *Oprawcy z Katynia*, Znak, Kraków 2007.

¹⁶ *Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы*, Международный Фонд «Демократия», Москва 1997; *Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы*, «Весь мир», Москва 2001.

это тоталитаризм». Оба президента договорились, что Польша не будет выдвигать в адрес России никаких материальных претензий¹⁷.

Правовой дискурс был подкреплен эксгумациями захоронений и заключением комиссии научных экспертов ГВП от 2 августа 1993 г.¹⁸ Оно было написано с позиций примата международного права и ставило комплекс вопросов задержания польских граждан во второй половине сентября 1939 г. и в последующий период как военнопленных, правомочности их содержания в этом качестве, а затем уничтожения. Развенчивалась «официальная советская версия», базировавшаяся на фальсификациях, предпринятых комиссией Бурденко. Были сделаны выводы о подлинных виновниках преступления и их ответственности.

Через три недели, во время официального визита Б. Ельцина в Польшу в двусторонней декларации было, в частности, заявлено: «В атмосфере взаимопонимания и доброй воли были выяснены обстоятельства катынского преступления, виновники которого будут наказаны»¹⁹. Это был принципиально важный этап помещения дискурс-анализа на твердую почву событий и фактов и адекватного интерпретирования на партийно-политическом и межгосударственном уровне, продвижения в направлении преодоления катынского синдрома. В совместной российско-польской декларации было заявлено, в частности:

В атмосфере взаимопонимания и доброй воли были выяснены обстоятельства катынского преступления, виновники которого будут наказаны». Говорилось о намерении восстановить справедливость «в отношении жертв сталинских репрессий и преступлений».²⁰

Расправляя ленты венка у памятника жертвам Катыни в Варшаве, Ельцин произнес: «Простите, если можете».

С охлаждением двусторонних отношений Б. Ельцин потерял интерес к завершению катынского дела. Летом 1994 г. его рассмотрение зашло в тупик. На завершающем этапе следствия, особенно при вынесении 13 июня 1994 г. процессуального решения об окончании расследования уголовного дела № 159, наглядно обнаружилось несовершенство российской законодательной и судебной-правовой системы. Развернутое постановление, включающее четкое определение не только обстоятельств, но и причин и мотивов преступления,

¹⁷ Н.И. Бухарин, *Российско-польские отношения: 90-е годы XX века — начало XXI века*, Наука, Москва 2007, с. 111.

¹⁸ I. Jąbłowska, A. Jabłokow, J. Zoria, *Katyń: zbrodnia chroniona tajemnicą państwową, z ros. przeł. M. Putrament i A. Wołodźko-Butkiewicz*, Książka i Wiedza, Warszawa 1998, с. 358-422; И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков, В.С. Парсаданова, *Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях*, РОССПЭН, Москва 2001, с. 446-494.

¹⁹ *Совместная российско-польская декларация. Варшава. 25 августа 1993 г.*, «Дипломатический вестник», Сентябрь 1993, № 17-18, с.14.

²⁰ *Ibidem*.

воспроизведение его квалификации как геноцида, признанной всеми сторонами на Нюрнбергском процессе (хотя тогда оно приписывалось советскими представителями гитлеровцам), было отклонено ввиду отсутствия механизмов реализации записанного в новой Конституции РФ примата международного права. Возобладала традиция использования в процессе реабилитации жертв сталинских репрессий квалификации преступлений следователей и др. работников органов как должностных — превышения власти. После распада СССР завершению дела препятствовали трудности с его расследованием уже в независимых Белоруссии и Украине, хотя было заключено соответствующее соглашение в рамках трех странах.

Обстоятельства расследования катынского дела, перипетии борьбы вокруг него были обстоятельно раскрыты в двух монографиях авторства руководителя следствия в ГВП прокурора А. Яблокова и экспертов И. Яжборовской, В. Парсадановой и Ю. Зори²¹.

За вторую половину 90-х — «нулевых» лет катынский синдром обрел новую жизнь, осложняя в политическом и правовом дискурсе российско-польские отношения. Вопрос о «незакрытых счетах» вставал во время официального визита Президента РФ В. Путина в Польшу в 2001 г. и в последующий период. Путин обещал польской стороне предоставить все документы катынского дела ГВП. Главный военный прокурор РФ А. Савенков сделал это в отношении 67 томов из 183-х, сославшись на то, что остальные содержат сведения, составляющие государственную тайну. Следствие на несколько лет было приостановлено. Правовой дискурс дела был как бы заморожен, пока не было решено это дело вообще закрыть. 21 сентября 2004 г. было принято соответствующее процессуальное решение. Дело было прекращено в отношении признанных виновными в превышении должностных полномочий конкретных лиц из НКВД в связи с их смертью. При этом было засекречено само постановление о его прекращении. 11 марта 2005 г. Савенков заявил, что ГВП не выявила геноцида в отношении польских граждан²².

Фальсификации в духе «анти-Катыни». Пока вопрос не находил окончательного политического и политического решения, российское историческое сознание становилось жертвой все новых идеологических подтасовок. Сторонники сталинской версии катынского преступления активизировались. На этой основе складывался и расширялся деструктивный псевдо- или анти-

²¹ См.: I. Jaźborowska, A. Jabłokow, J. Zoria, *op. cit.*; И.С. Яжборовская, А.Ю. Яблоков, В.С. Парсаданова, *op. cit.*

²² РИА «Новости», 11. 03. 2005.

научный дискурс, подпитывая катынский синдром²³. Откровенным подлогом, клишированием замшелых мифологем сталинских времен повеяло от публицистических произведений Ю. Мухина. Другие представители этого направления — С. Куняев, В.Швед и С. Стрыгин — действовали более изощренно, стараясь добиться правдоподобия. Они изначально как бы не отрицали официально утвердившейся с 90-х гг. в России позиции, но, искусно сея сомнения в истинности доказательств следствия ГВП РФ, вводили читателя в заблуждение. Под маркой раскрытия «тайн Катыни» они воспроизводили давно опровергнутые аргументы в пользу сфабрикованного заключения комиссии Бурденко (методы расстрела выстрелом в затылок, использование немецкого оружия и т.д.). При этом подлинные документы, экспертизы юристов и ученых, показания свидетелей, даже материалы эксгумаций они изображали как якобы поддельные. Эти и им подобны авторы, получив готовившиеся к Нюрнбергу фальсификаты и делая вид, что ведут борьбу на научном поле, стремятся деформировать общественное мнение и реабилитировать репрессивный сталинский режим.

В России ответом им стал ряд полемических публикаций²⁴. Это касается в первую очередь использования в качестве «анти-Катыни» встречной претензии по вопросу о судьбах пленных красноармейцев войны 1920 г. Некоторые авторы, раздувая эту цифру из года в год, довели ее до 60-80 и даже 120 тыс., хотя согласно последней, двусторонней обстоятельной публикации подлинных документов она не превышает 20 тыс.²⁵ Тем не менее авторы нового школьного учебника называют цифру «десятки тысяч», а само катынское преступление пытаются оправдывать как предположительный «ответ» (месть Сталина) на гибель пленных красноармейцев от болезней, голода, плохого обращения и даже якобы расстрелов, что не находит подтверждения²⁶. Дискуссию по этому вопросу читатель найдет и в статьях авторов российско-польского издания «Бе-

²³ Ю. Мухин, *Катынский лабиринт*, Светотон, Москва 1995; *idem*, *Антироссийская подлость. Научно-исторический анализ*, Форум, Москва 2003; С. Куняев, *Шляхта и мы. — Наши современники*, Москва 2005; *idem*, *Русский полонез*, Алгоритм, Москва 2006; В. Швед (и С. Стрыгин), *Тайны Катыни*, Алгоритм, Москва 2007; А.Б. Мартиросян, *На пути к мировой войне*, «Вече», Москва 2008; Д. Жуков, *Польша — «ценной нес» Запада*, «Яуза-пресс», Москва 2009; *Немцы в Катыни. Документы о расстреле польских военнопленных в Катыни осенью 1941 года*, Сост. и авт. предисл. Р.И. Косолапов и др., ИТРК, Москва 2010.

²⁴ Подробный анализ этого направления в российской историографии см.: В. Оскоцкий, *Полемика: сталинизм, ксенофобия и антисемитизм в современной русской литературе*, Academia, Москва 2005; *Zbrodnia Katyńska w oczach współczesnych Rosjan*, «Zeszyty Katyńskie», 2007, п. 22; *Zbrodnia Katyńska między prawdą i kłamstwem*, «Zeszyty Katyńskie», 2008, п. 23 и др. .

²⁵ *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. документов и материалов*, «Летний сад», Москва 2004, с. 11, 14, 24–26, 28.

²⁶ А.А. Данилов, А.В. Филиппов, *Ждать осталось недолго, потерпите*, «Время новостей», 9. 09. 2008.

лые пятна-черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений» Д. Липиньской-Наленч и Т. Наленча, Г. Матвеева и И. Яжборовской²⁷.

Совместные усилия ученых ряда стран по выяснению правды о Катыни. Особого места в катынском дискурсе заслуживает отмеченная премией им. Х. Арендт, основанная на широком круге архивных материалов монография «Классовая чистка: массовое убийство в Катыни»²⁸ выдающегося историка и социолога В. Заславского (1937–2009 гг.), эмигрировавшего в 1975 г. из СССР и преподававшего в Италии, Канаде и США. Стараниями американского профессора др А.М. Ченчалы и представителей российской науки (др Н. Лебедевой) и польской науки (проф. др В. Матерского) в США вышла из печати ценная сводная публикация катынских документов из польско-российского четырехтомника²⁹. Заинтересованный читатель найдет много новых изданий и в недавно вышедшей в свет обширной библиографии разноречивой катынской литературы³⁰.

Общество «Мемориал» и его противостояние сталинистам в судах. Руководитель Общества «Мемориал» А. Рогинский, его заместитель Н. Петров и руководитель Польской программы общества А. Гурьянов последовательно осуществляют научно-политическую и правовую экспертизу катынского дела, помогают родным и близким пострадавших искать правду в судах. Петров продолжает работу над дополнением списков палачей из НКВД, готовит к опубликованию их биографии.

Они встречают на этом пути серьезное противодействие сталинистов. Противной стороной на основе умозаключений ряда представителей «анти-Катыни» были инициированы четыре обращения в российские суды с исками «о защите чести и достоинства», «доброго имени» Сталина с использованием материалов катынского дела. В эти дела был вовлечен внук Сталина Е. Джугашвили. Им предпринимались попытки получить большую денежную компенсацию от «Новой газеты» и опубликовавшего в ней разоблачительные материалы автора А. Яблокова, от Росархива, где якобы подделывались архивные документы о роли Сталина в катынском деле, а также вынудить Государственную Думу отозвать принятое ею заявление «Катынская трагедия и ее жертвы» и взыскать с 342 голосовавших «за» депутатов 100 млн. рублей.

²⁷ См.: *Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений*, Под общей ред. акад. А.В. Торкунова и проф. А.Д. Ротфельда, Аспект Пресс, Москва 2010.

²⁸ Victor Zaslavsky, *Pulizia di classe. Il massacro di Katyn*, Il Mulino, Bolonia 2006. Книга переведена на французский, немецкий и английский языки.

²⁹ *Katyn. A Crime Without Punishment*, ed. by A.M. Cienfiala, N.S. Lebedeva and W. Mater-ski, Vail-Ballou Press, Binghamton, New York 2007.

³⁰ *Zbrodnia Katyńska. Bibliografia 1940–2010*.

Благодаря активным действиям представителей российской демократической общественности из общества «Мемориал» эти иски удовлетворены не были.

«Мемориал» продолжает вести упорную борьбу за выяснение обстоятельств гибели и реабилитацию польских жертв сталинских репрессий. А. Гурьянов обозначил четыре необходимые, с его точки зрения, дальнейшие правовые шаги: «Во-первых, необходима адекватная юридическая квалификация Катынского преступления.... Во-вторых, необходимо процессуальное установление всех ответственных за совершение преступления. Ограничивая круг виновных лишь несколькими руководителями ведомственного уровня, Главная военная прокуратура исключает Сталина и других членов руководства СССР из состава главных виновников и инициаторов катынского расстрела, официально названного 20 лет назад тяжким преступлением сталинизма, а сегодня — актом произвола тоталитарного государства. В-третьих, совершенно необходимо признать поименно каждого из польских военнопленных и заключенных, расстрелянных по решению Политбюро от 5 марта 1940 года, жертвами политических репрессий в соответствии с действующим российским Федеральным законом „О реабилитации жертв политических репрессий“. Пока же ГВП отказывается не только признать политический мотив их бессудной казни (хотя он однозначно указан в обнародованном документе Политбюро — записке Берии Сталину с предложением расстрелять польских военнопленных и заключенных, „исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти“), но и сам факт гибели каждого отдельного военнопленного. Даже в отношении тех, чьи личности были установлены в ходе эксгумаций в Катынском лесу и других местах захоронения, в том числе эксгумаций, проведенных самой Главной военной прокуратурой! В-четвертых, должны быть рассекречены и обнародованы все материалы расследования „Катынского дела“, которое Главная военная прокуратура вела с 1990 по 2004 год, а также те документы НКВД-КГБ о катынском расстреле, которые, как выяснилось в ходе закончившегося недавно судебного процесса, хранятся в архиве ФСБ и остаются секретными до настоящего времени!»³¹ — подытожил руководитель Польской программы общества „Мемориал“. Постоянно поднимается вопрос о выявлении списков жертв (прежде всего белорусского списка) и мест их захоронения.

Морально-политическая и научная верификация дела. В сентябре 2009 г. российское руководство взяло курс на нормализацию отношений с Польшей и в том числе на закрытие катынского дела. Преступление сталинского режима было вновь решительно осуждено российским руководством. Во время посещения мемориала в Катыни 7 апреля 2010 г. премьер-министром В. Путиным вместе с премьер-министром Польши Д. Туском по случаю 70-ле-

³¹ «Новая газета», Москва, 29. 11. 2010.

тия этого злодеяния Путин подчеркнул: «Этим преступлениям не может быть никаких оправданий», их оценка «не подлежит никаким ревизиям»³². Затем 18 апреля в Кракове, во время похорон погибшего в авиакатастрофе президента Республики Польша Л Качиньского и его супруги, еще раз со всей ответственностью президент РФ Д. Медведев констатировал, что «катынская трагедия — это преступление Сталина и ряда его приспешников»³³. Эти встречи, а также официальный визит Медведева в Польшу 6–7 декабря 2010 г. принесли подтверждение ответственности Сталина за катынское преступление тоталитаризма и его фальсификацию. Медведев заявил в Варшаве, что он сделал выбор и не свернет с пути. Эти заявления были восприняты позитивно в российском и польском обществе.

Обострение политического противоборства. Тем не менее в последнее время противники завершения катынского дела старались объединить фальсифицируемые элементы катынского политического, научного и правового дискурсов в псевдонаучную версию, чтобы вновь вернуться к статусу *quo ante*, к представлениям сталинской эпохи в духе сообщения комиссии Бурденко и ее адептов. Их очевидная цель — не только затянуть и торпедировать достойное завершение дела, но и защитить Сталина от обвинения в государственном терроризме и укрепить свои политические позиции.

Депутат-коммунист В. Илюхин, заместитель председателя Комитета Государственной думы по законодательству и государственному строительству, основал на общественных началах катынскую комиссию. В ответ на заявление Путина от 7 апреля им был 19 апреля проведен «круглый стол» по теме «Катынь: правовые и политические аспекты», на котором вновь защищалась прежняя советская версия событий, якобы подкрепленная новыми «открытиями» и «обогащающая» ее. Его участники декларировали готовность продолжить расследования вплоть до эксгумаций останков ради опровержения полученных ранее результатов и отрицания советской вины в катынском злодеянии³⁴. Илюхин обратился по итогам этого «стола» в письмом к президенту Д. Медведеву, вывесив это письмо и на сайте КПРФ³⁵.

Но когда 26 ноября 2010 г. в Государственной Думе, нижней палате российского парламента, было вынесено па голосование и одобрено абсолютным

³² www.premier.gov.ru (7. 04. 2010).

³³ www.echo.msk.ru (18. 04. 2010).

³⁴ Тайны Катынской трагедии. Материалы «круглого стола» по теме «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», проведенного 19 апреля 2010 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Выступления участников «круглого стола» даются в авторской редакции. Отв. за выпуск В.И. Илюхин. Москва, 2010. Приложение к журналу «Политическое просвещение».

³⁵ *Известия*. www.kprf.

большинством (при 12,7% против) заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», факт государственного терроризма в отношении поляков впервые был признан на таком уровне и перед лицом российского общества. Прежние признания — Горбачева и Ельцины — адресовались полякам и не имели широкого резонанса в России. Теперь ситуация резко изменилась. Признано публично: «Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей». Подчеркнуто, что массовые преследования граждан своей страны и иностранных граждан несовместимы с идеей верховенства закона и справедливости, что будет продолжено выяснение всех обстоятельств уничтожения польских граждан в результате «произвола тоталитарного государства», восстановлены честные имена погибших в Катыни и других местах. Этим людей «с исчерпывающей очевидностью реабилитировала сама история»³⁶.

Предложения Илюхина создать в Государственной Думе официальную структуру для возобновления расследования катынского дела, для рассмотрения вопроса о якобы фальсифицированных документов и т.д. не только не были поддержаны другими партиями, но и не выносились на голосование.

Расширение научно-исторического дискурса. Российской стороной в текущем году был сделан ряд важных жестов в адрес Польши. Президент Медведев вручил в мае 2010 г. тогда еще исполнявшему обязанности президента Польши Б. Коморовскому 67 незасекреченных томов катынского следствия из общего числа 183-х. По решению Д. Медведева было начато рассекречивание остальных томов. В сентябре российская прокуратура передала польской стороне уже 20 рассекреченных томов. В начале декабря 2010 г., перед визитом Медведева в Варшаву, польской стороне были предоставлены еще 50 томов. В новом событийном контексте общий катынский дискурс весьма расширился, объединив его различные аспекты (дискурсы) в виде новых элементов, уровней и пластов. Во время совместной пресс-конференции в Варшаве 6 декабря 2010 г. с президентом РП Б. Коморовским президент РФ Д. Медведев подчеркнул:

Такая линия будет продолжена. Мы избрали её абсолютно осознанно. Я сделал соответствующий выбор, и мы с этого пути не свернём. Мы должны знать правду. Это нужно и полякам, и не в меньшей степени гражданам нашей страны, россиянам, потому что наша история пронизана трагическими событиями, от которых пострадали люди, пострадало огромное количество

³⁶ О Катынской трагедии и ее жертвах. Заявление Государственной Думы о расстреле в Катынском лесу. — <http://www.polit.ru/dossie2010/11/26/katyn/html>

людей, не только поляков — огромное количество граждан нашей страны сгинуло в период репрессий. Именно в этом вопросе мы должны разобраться досконально и максимально серьёзно.³⁷

Хотя основные факты и события наукой установлены, очевидно, что призыв сохранить научно-исторический дискурс, продолжить изучение истории вполне оправдан и актуален, поскольку изживание катынского синдрома через очищение от оказавшихся в высшей степени живучими антагонизирующих отношения, вредоносных мифологем и идеологем настоятельно требует их последовательной научной верификации. Начатый научными исследованиями двусторонней комиссии «по белых пятнам» в двусторонних отношениях (1987–1990 гг.) научный дискурс, в том числе и по катынской тематике, в настоящее время нашел свое продолжение в работе Группы по сложным вопросам в российско-польских отношениях, в уже упоминавшемся выше сводном труде, позволяющем сопоставить позиции ученых обеих сторон и развернуть совместный диалог, что призвано помочь научной трансформации катынского дискурса в целом, его очищению от прежних идеологических деформаций и исчерпанию нынешней роли катынского синдрома как раздражителя в двусторонних отношениях³⁸.

Современная позиция российских руководителей — президент Д. Медведев взял катынское дело под свой личный контроль — подает надежду на продвижение к окончательному завершению этого трагического дела — одного из самых страшных преступлений советского тоталитарного режима и избавление от катынского синдрома.

Inessa Sergeevna Iazborovskaia

Katyn Syndrome — a Key Issue In Bilateral Relations?

Abstract

We consider a set of ideas in the USSR (Russia) about the Katyn crime — political, scientific and legal discourses of Katyn, the history of their appearance and content, as well as anti-Katyn, turn it into a syndrome, burdening Russian-Polish relations.

Keywords: Katyn, political, scientific, legal discourse, Polish-Russian relations.

³⁷ Президент России. Официальный сайт, Совместная пресс-конференция с Президентом Польши Брониславом Коморовским. — <http://news.kremlin.ru/transcripts/9714>

³⁸ См.: *Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений*, под общей ред. акад. А.В. Торкунова и проф. А.Д. Ротфельда, Аспект Пресс, Москва 2010.